

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2024_1_36_35
EDN: WFBTGP

Духовный смысл финала романа «Обрыв» И. А. Гончарова в свете идеи бесконечности развития

Владимир Иванович Мельник

Доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Московский государственный университет дизайна и технологий. 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1
melnikvi1985@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

Аннотация. Финал романа И. А. Гончарова «Обрыв» (он же, по сути, финал всей романной трилогии писателя) до сих пор остается неразгаданным, а значит, по сути, неясен главный замысел всей трилогии («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»). В статье главные герои трилогии рассмотрены с точки зрения задушевной для автора идеи о способности человека оставаться «идеалистом» (то есть человеком, не теряющим христианского идеала) во враждебных жизненных условиях, заставляющих «смириться» и приспособиться к неидеальной реальности. Способность к бесконечному движению ввысь демонстрирует только один (автобиографический) герой – Райский. Его духовное развитие в романе – это движение от «страстей» («мытарства») – к «любви», которая «движет солнце и светила». Если смотреть на финал «Обрыва» с традиционной точки зрения, он может вызвать недоумение («концовка „Обрыва“... оставляет вопросов больше, чем ответов»): конца истории, по сути, нет, поездка в Италию, впечатления Райского от музеев, искусства и «старых камней» Европы описаны в нескольких абзацах и могут показаться сумбуром. Кажется, что, собственно, никакого финала в романе нет: герой просто переместился в пространстве. Но если взглянуть на концовку романа с точки зрения громадных авторских задач, поставленных в трилогии, его запросов на изображение «подлинного идеалиста», человека, способного, несмотря на свои слабости, ценить «небесное» выше земного, стремящегося к «нескончаемой работе над собой», имеющего в себе свойства апостольского ученичества у Христа и идущего за ним все выше и выше, открытый финал романа – единственно верное художественное решение.

Ключевые слова: Гончаров; Данте; «Обрыв»; Райский; апостольство; трилогия; «Божественная комедия»; идеал; развитие

Для цитирования: Мельник В. И. Духовный смысл финала романа «Обрыв» И. А. Гончарова в свете идеи бесконечности развития // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1 (36). С. 35–41. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2024_1_36_35. <https://elibrary.ru/WFBTGP>

Original article

Spiritual meaning in the ending of I.A. Goncharov's novel The Precipice as seen through the idea of the infinite development

Vladimir I. Melnik

Doctor of philological sciences, professor of the department of linguistics and literary studies, Moscow state university of design and technology. 117997, Moscow, Sadovnicheskaya str., 33, bld. 1
melnikvi1985@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

Abstract. The ending of I. A. Goncharov's novel The Precipice (it is, in fact, the ending of the writer's entire novel trilogy) still remains unsolved, and thus, in fact, the main idea of the trilogy (A Common Story, Oblomov, The Precipice) is unclear. The article considers the main characters of the trilogy from the point of view of the author's heartfelt idea of the human ability to remain an «idealist» (i.e., a person who never loses the Christian ideal) in hostile life conditions that force him to «come to terms» and adapt to an imperfect reality. Only one (autobiographical) character, Raisky, demonstrates the ability to constantly move upwards. His spiritual development in the novel is a movement from «passions» («ordeals») to «love», which «moves the sun and stars». If one looks at the ending of The Precipice from a traditional point of view, it may cause perplexity («the ending of The Precipice... leaves more questions than answers»): there is in fact no end to the story; the trip to Italy, Raisky's impressions of museums, art and

«old stones» of Europe are described in a few paragraphs and may seem like a confusion. It seems that, actually, there is no ending in the novel: the hero has simply moved in space. But if one looks at the ending of the novel from the point of view of the enormous authorial tasks set in the trilogy, his claims to portray a «true idealist», a man capable, despite his weaknesses, of valuing the «heavenly» above the earthly, striving for «endless self-improvement», having in himself the characteristics of apostolic discipleship to Christ and following him higher and higher, the open ending of the novel is the only true artistic solution.

Key words: Goncharov; Dante; The Precipice; Raisky; apostolate; trilogy; Divine Comedy; ideal; development

For citation: Melnik V. I. Spiritual meaning in the ending of I. A. Goncharov's novel *The Precipice* as seen through the idea of the infinite development. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(1):35–41. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2024_1_36_35. <https://elibrary.ru/WFBTGP>

Введение. Философская идея XIX века – безостановочное развитие

И. А. Гончаров относится к числу немногих в русской литературе писателей-мыслителей, исходящих в своем миропонимании не только из философских, но и, прежде всего, религиозных идей [Мельник 2008]. Мироззрение писателя отличается необыкновенной цельностью: начала и концы этого мироззрения сходятся в одной точке – в идее Бога как Творца всего сущего. Нравственные, общественные, научно-технические, культурные, цивилизационные, эстетические и все иные идеи, затрагиваемые в произведениях писателя, подчинены и определены идеей Божественного Промысла. Идея Божественного Промысла приобрела у Гончарова как представителя своего времени, близко воспринявшего учения немецкого классического идеализма, в целом весьма оптимистический характер. Гончаров исходит из принципа бесконечного совершенствования мира, материального и духовного. Один из основателей философской антропологии немецкий мыслитель Х. Плеснер писал: «У каждого времени есть свое заветное слово. Терминология восемнадцатого столетия находит свое высшее выражение в понятии прогресса, девятнадцатого – в понятии развития... И каждая эпоха обозначает в нем нечто свое: разум несет в себе смысл вневременности и всеединства; развитие – безостановочного становления и восхождения...» [Плеснер, 2004, с. 25].

Бесконечное восхождение к совершенству Гончаров считал законом природы и человеческой цивилизации, а истоком этого закона – Бога-Творца, приглашающего человека к сотворчеству. Идея бесконечности движения получила в XIX в. широчайшее распространение – и даже эстетическое воплощение в виде господствующего положения жанра романа (а Гончаров был прежде всего романистом и много размышлял о жанре романа). В. Н. Кожин в свое время отметил: «...подлинной эстетической реальностью романа остается... движение к счастью, полноте любви и свободе, ибо это движение имеет беспредельную,

неограниченную цель... истинная возвышенность и красота нового человека состояла в устремленности и способности к безграничному развитию» [Кожин, 1963, с. 334].

Способность к безграничному развитию как критерий оценки героя в романах Гончарова. От земного к небесному.

Конкретно гончаровский роман идею безграничного развития личности связывает со стремлением человеческой души к Богу. Его романная трилогия («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв») построена по аналогии с «Божественной комедией» Данте [Мельник, 2021; Мельник, т. 4, 2022], исследующего причины, по которым души некоторых людей пребывают в аду (страшные грехи и злодейства), других (в частности, духовно ленивых) – в чистилище, а третьих, более совершенных (и то по благодати Божией и помощь святых), – в раю.

Если у Данте показаны целые галереи людей, в судьбе которых воплощены как разнообразные омерзительные грехи или, напротив, прекрасные добродетели, то Гончаров исследует лишь одно свойство человека: его способность или неспособность к бесконечному духовному развитию. В письме к С. А. Никитенко от 20 июня 1860 г. он замечает: «разве идеал, то есть олицетворение его, возможно? Да если б и возможно было – то не дай Бог!... стремление сменяется стремлением, и человек идет дальше и, следовательно, живет; а можете ли вы представить себе человека вполне удовлетворенного, остановившегося?» [Гончаров, 1952–1955, т. 8, с. 334]. Здесь же романист пишет о том, что людей, способных не примиряться с пошлостью жизни и до конца жизни, несмотря ни на что, стремиться к идеалу, чрезвычайно мало («почти не встречаю»). Чаще всего случается либо «обыкновенная история» (сознательный отказ от высоких стремлений), либо неумение преодолеть «земное притяжение» в силу разных причин («обломовщина», «штольцевщина» и пр.).

Сознательный отказ от идеала и его «обмен» на пошлые блага жизни является для Гончарова страшнейшим, «адским» грехом. Это «иудин»

грех, грех предательства, причем предательства не только самого себя, но и Христа, поскольку бесконечное движение к идеалу в произведениях Гончарова жестко привязано именно к идеалу Христа, к вопросу об «аде», «чистилище» и «рае». Стремление к гуманным земным идеалам при бесконечности движения должно переходить и за земную грань, иметь, в конечном итоге, своим основанием веру в вечную жизнь: «...в этой борьбе вся жизнь. Другие называют все это романтизмом, мирятся с жизнью, как она есть – и чем же мирятся? Если б они мирились на основаниях религиозных... и веровали... в другой, следующей волюм этого сочинения (людского бытия) ...тогда бы я тотчас же согласился с ними (и соглашаюсь, когда встречаю таких, но почти не встречаю), а то они мирятся с ее маленькими, пошленькими благами – и вне сферы этих благ ничего не признают и никогда из нее не выглядывают, а кто выглядывает, того называют романтиком и мечтателем» [Гончаров, 1952–1955, т. 8, с. 334]. Примирение с «пошленькими благами» и отказ идти за идеалом бесконечно, с верой в «следующий волюм этого сочинения» (т. е. за идеалом Христа) Гончаров осмысливает в свете судьбы Иуды, как ее изображает Данте в «Божественной комедии» (самый нижний круг ада, ледяное озеро). Именно на ассоциациях с ледяным озером построен сон матери Александра Адуева о судьбе ее сына («омут»). Отсюда и фамилия героя: АД-уев.

Иная картина в романе «Обломов», в котором главные герои уже пытаются бороться с хаосом жизни и представляют собою не столько типы, сколько идеалы. В письме к И. И. Лъховскому от 2 августа 1857 г. Гончаров заметил: «Меня иногда пугает, что у меня нет ни одного типа, а все идеалы: годится ли это? Между тем для выражения моей идеи мне типов не нужно, они бы вели меня в сторону от цели» [Литературный архив, 1951, с. 117]. То есть в романе собраны герои-идеалисты: Обломов, Штольц, Ольга Ильинская... По мере сил и возможностей они все стараются сохранить высокие стремления души, не смиряться с пошлой действительностью, двигаться к идеалу. При этом положение Ильи Обломова трагично: в силу воспитания и иных причин он не может действием противостоять пошлему миру и лишь пытается укрыться от него в своей новой Обломовке – на Выборгской стороне. В то же время герою хватает сил не поддаваться этому миру до конца, сохранить величайшее свое сокровище – «чистое сердце», о котором произносит пафосный монолог Штольц и которое подчеркнуто ассоциируется со словами Евангелия: «Бла-

женны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5: 8). Изображение кончины Обломова, его могилы и воспоминаний о нем близких людей показывает, что Обломов – герой «чистилища» (в кантике «Чистилище» у Данте есть герой по имени Белаква, духовный предшественник Обломова, о котором сказано: «он так ленив, Как могут быть родные братья лени») или, иначе, герой, который войдет в рай по молитвам Церкви (этих молитв ожидает и Белаква в «Божественной комедии»).

Обладая «золотым сердцем», Обломов, тем не менее, отличается духовной неподвижностью, что подчеркивает, например, его отношение к истории: «И сама история только в тоску повергает: учишь, читаешь, что вот-де настала година бедствий, несчастлив человек: вот собирается с силами, работает, гомозится, страшно терпит и трудится, всё готовит ясные дни. Вот настали они – тут бы хоть сама история отдохнула: нет, опять появились тучи, опять здание рухнуло, опять работать, гомозиться...» [Гончаров, 1997–2017, т. 4, с. 61–62].

Решимостью идти за идеалом все выше и выше, казалось бы, вполне наделены деятельные и ищущие Штольц и Ольга, в особенности Ольга, которая готова была вести Обломова за собой, словно Беатриче, хотя только – до определенной черты: «Вперед, вперед! – говорит Ольга, – выше, выше, туда, к той черте, где сила нежности и грации теряет свои права и где начинается царство мужчины!». Увы, Обломов не мог стать ее духовным вождем, которого она нашла в лице Штольца.

Однако ни один герой второго романа не способен к бесконечному движению к идеалу. Все так или иначе приспособляется к несовершенству мира. Если Илья Обломов укрывается от него в свой кокон (диван, халат), то и Ольга со Штольцем отгораживаются от мира в модернизированной крымской Обломовке, где царят взаимная любовь, искусство, прекрасная природа. Но здесь их движение к идеалу и заканчивается. Ольга с тревогой ощущает «новую обломовщину», то, что она становится в положение человека «вполне удовлетворенного, остановившегося». В ней просыпается тоска по дальнейшему движению, которое возможно уже в сфере чистой духовности («царство мужчины»), а не тех ценностей, которыми живет в общем очень хороший и гуманный Штольц. Ольга не получает от мужа ответов на свои вопросы, он предлагает ей отказаться от высоких запросов духа: «Мы не титаны с тобой, – продолжал он, обнимая ее, – мы не пойдем, с Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу с мятежными вопросами, не примем их вызова,

склоним головы и смиренно переживем трудную минуту, и опять потом улыбнется жизнь, счастье...» [Гончаров, 1997–2017, т. 4, с. 461].

Таким образом, Ольга и Штольц переживают в романе свою драму, с точки зрения Гончарова, не менее трагичную, чем драма Обломова. Все они – герои не рая, но «чистилища». Они стоят у врат рая, но войти в него не могут, поскольку это вопрос не только усилий человека, но и благодати, даруемой от Бога. Данте в «Божественной комедии» не смог бы войти в рай без помощи святых, первая из которых – Беатриче.

Райский как герой-апостол

Герой последнего романа Гончарова – художник РАЙ-ский – показан как истинный идеалист, как человек, не способный пойти на компромисс с «безобразием», «ложью» мира. Сталкиваясь с ними, он не устает обличать и протестовать: «...хоть рясы и не надену, а проповедовать могу – и искренно, всюду, где замечу ложь, притворство, злость – словом, отсутствие красоты, нужды нет, что сам бываю безобразен...» [Гончаров, 1997–2017, т. 7, с. 38]. Не будучи «титаном», он, тем не менее, ничего в мире не ценит больше, чем высокий идеал, который он как художник обозначает словом «красота». Он легко расстается с собственностью, дарит Марфеньке и Вере свое имение Малиновку, не боится один выступить против Тычкова и т. д.

Адуев в «Обыкновенной истории» в финале романа выступает как человек, выгодно обменявший свои идеалы на большое приданое, на положение, казенную квартиру «с дровами», то есть как приобретающий нечто в этом мире, согласный с ним, устраивающийся в нем. Штольц в «Обломове» ценой компромисса с «мятежными вопросами» также выступает как приобретатель: он покупает прекрасное имение в Крыму, в конечном итоге приспособившись к реальному миру и комфортно устраиваясь в нем. Лишь Райский как истинный идеалист не приобретает ничего. Напротив, он освобождается от собственности и всего, что может обременять его, помешать ему в его донкихотской борьбе за свои идеалы. Он должен идти по жизни налегке. Недаром в романе звучит евангельская реминисценция: Гончаров сравнивает Райского с евангельским юношей, который захотел идти за Христом, но не смог, ибо «у него было большое имение» (Мк. 10: 22). Христос при этом сказал: «Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» (Мк. 10: 23). Если юноша не смог отдать свое имение, чтобы пойти за Христом, то Райский это делает, то есть стано-

вится «благонадежным для Царствия Божия» (Лк. 9: 62). Приезжая в Малиновку, он первым делом дарит имение сестрам, вспоминая этого евангельского юношу, и потом идет вслед религиозного художника-аскета Кирилова, учившего его: «Отдайте ваше имение нищим и идите вслед за спасительным светом творчества». Шагая по жизни налегке, Райский словно бы выполняет завет Христа, пославшего апостолов проповедовать евангелие: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха» (Мф. 10: 9–10). Таким образом, на Райском лежит печать апостольства: будучи художником, он изображен как «апостол творчества», «апостол красоты». Творчество и универсальную красоту автор «Обрыва» считает свойствами Христа. Как апостол Райский противопоставлен в романе «лжеапостолу» Марку Волохову.

Учитывая этот евангельский контекст «Обрыва», можно утверждать, что способность к бесконечному развитию, движению к идеалу показаны в романе как свойства «апостольской личности». Райского кажется странным называть апостолом, ибо он слаб, непоследователен, порою падает. Но Гончаров помнил и то, что многие апостолы в четвероевангелии изображаются не только в победной силе помогающего им Христа, но и в «богооставленности», в слабости веры и воли, начиная с апостола Петра, трижды отрекшегося от Христа в ночь трагических событий: «Он опять отрекся. Спустя немного, стоявшие тут опять стали говорить Петру: точно ты из них; ибо ты Галилеянин, и наречие твое сходно. Он же начал клясться и божиться: не знаю Человека Сего, о Котором говорите. Тогда петух запел во второй раз. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели петух пропоет дважды, трижды отречешься от Меня; и начал плакать» (Мк. 14: 70–72). Таким образом, в Райском есть и апостольская сила благовествования и проповеди, и апостольская слабость несовершенного человека.

Апостолам Христос оставил по Своем уходе Святого Духа. В евангелии от Иоанна сказано: «Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будет с вами в век, Дух истины, Егоже мир не может прияти, яко не видит Его, ниже знает Его: вы же знаете Его, яко в вас пребывает и в вас будет» (Ин. 14: 15–17). Гончаров акцентирует в образе Райского апостольские свойства ученика, идущего за Христом и получающего от него те же дары, что и все апостолы. В частности, Райский обладает дарами Святого Духа: «Он, с биением сердца и трепетом чистых слез, подслушивал, среди грязи и

шума страстей, подземную тихую работу в своем человеческом существе, какого-то таинственного духа, затихавшего иногда в треске и дыме нечистого огня, но не умиравшего и просыпавшегося опять, зовущего его, сначала тихо, потом громче и громче, к трудной и нескончаемой работе над собой, над своей собственной статуей, над идеалом человека» [Гончаров, 1997–2017, т. 7, с. 554]. В евангелии сказано, что апостолы знают Святого Духа, а миру это недоступно. Но апостолы несли благовест, крестили людей и возложением на них рук давали им дар Святого Духа: «Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой» (Деян. 19: 5–6). В свете этого апостольского благовествования нужно воспринимать желание Райского поделиться знанием о живущем в нем Духе с Верой: «... он с мольбой звал ее туда же, на эту работу тайного духа, показать ей священный огонь внутри себя и пробудить его в ней, и умолять беречь, лелеять, питать его в себе самой» [Гончаров, 1997–2017, т. 7, с. 555].

Божья благодать действует в душе Райского и других главных героев «Обрыва» (Райский, Вера, бабушка), поскольку они, в отличие от героев первых двух романов, приходят к покаянию [Щеблыкин]. Покаяние является необходимым условием духовного преображения (воскресения). Главные герои «Обрыва» приобретают опыт преодоления греха и тем самым достигают если не рая в дантовском смысле, то «райского состояния» души, о котором писал Н. В. Гоголь в «Мертвых душах»: «Блажен избравший себе из всех прекраснейшую страсть; растет и десятирится с каждым часом и минутой безмерное его блаженство, и входит он глубже и глубже в бесконечный рай своей души» [Гоголь, 1959, т. 5, с. 254; Иванова, 2003, с. 132–137]. Говоря о Данте, хорошо это раскрыл итальянский учёный Франко Нембрини: «...надеюсь, вам понятно, что „Божественная комедия“ говорит не о потустороннем мире, а о нашей жизни. Иначе мы друг друга не поймем. Есть еще преподаватели, которые уверены, что речь идет о жизни после смерти, особенно когда говорят про „Рай“...» [Нембрини, 2015, с. 71].

Покаяние главных героев, их духовное преображение и сближение друг с другом могло бы стать финалом романа и всей трилогии. Но Гончаров идёт дальше и показывает уже одного только Райского в его дальнейшем движении, ибо только он один из всех героев заряжен неиссякаемой энергией поиска идеала, ибо Сам «Дух манил его за собой в светлую, таинственную даль, как

человека и как художника, к идеалу...» [Гончаров, 1997–2017, т. 7, с. 554].

Проблема финала романа «Обрыв»

Образ Райского до сих пор не разгадан. Исследователи, писавшие о романе «Обрыв», в основном доверяются лишь одному авторскому определению Райского как «сына Обломова», но обходят своим вниманием гончаровские характеристики, говорящие о необычайной сложности героя [Цейтлин, 1929, с. 620; Пиксанов, 1956, с. 441]. В письме к С. А. Никитенко романист восклицал: «...иногда меня берет отчаяние, что я не справлюсь с героем, что я взял на себя непреодолимую задачу, и мне хочется бросить все и отстать...» [Гончаров, 1952–1955, т. 8, с. 346]. Рассуждая о финале романа «Обрыв», они ставили под сомнение способность Райского к действительной перемене характера. Н. Н. Райнов в 1916 г. писал: «Гончаров попытался „переделать“ своего героя: он внушает нам, что в конце романа в Райском произошел какой-то переворот, который как будто готовился всем ходом романа. Но читатель, поняв кометную природу и пути Райского, конечно, не верит этому... Характер Райского так определенно очерчен, что легко предвидеть его будущее: всегда и везде оно будет повторением прошлого» [Райнов, 1916, с. 72]. Н. И. Пруцков также считает, что Гончаров, намекая на изменения в Райском, нарушает «естественную логику развития характера» [Пруцков, 1962, с. 149]. Современный исследователь С. Казакова пишет: «Концовка „Обрыва“ и вовсе оставляет вопросов больше, чем ответов. Неустойчивость характера Бориса привносит нотку сомнения в долговременности и успешности его занятий скульптурой...» [Казакова, 2022, с. 39]. Между тем художественная логика как «Обрыва», так и всей романной трилогии Гончарова показывает, что смысл образа Райского именно в духовном преображении героя.

Изменения характера и всей натуры Райского неоспоримы. Они заключаются в том, что герой осмысливает свою жизнь, в покаянии отрекается от «страстей», о которых он говорит на протяжении всего романа, и становится носителем иного начала, ранее ему недоступного – «любви». Такая эволюция героя – единственно возможная в рамках христианского понимания духовного возрастания: она одна и та же и в «Божественной комедии» Данте, и в романе «Обрыв». Читая «Божественную комедию», Гончаров усвоил для себя как главное то, что «рай» – это не «достижение Бога» и торжественная остановка, состояние статического покоя, но бесконечное восхождение

человека все выше и выше – к Богу. В кантике «Рай» у Данте это изображено как духовное возрастание героя, как его движение «от силы в силу», а конкретно – «от света к свету». В последних строках поэмы он не «достигает» Бога, но воспринимает Его любовь:

Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан ровный ход,
Любовь, что движет солнце и светила.

(пер. М. Л. Лозинского) [Данте, 2015, с. 530]

Это последняя строфа «Божественной комедии», выразившая понимание итальянским поэтом Бога как «любви». Любовь, воспринятая от Бога, дает герою Данте «ровный ход», его «страсть» и «воля» меняют свои свойства. Открытый финал «Обрыва» в духовном смысле также указывает на изменение «страстей» и воли (своеволия) Райского, на более «ровный ход» его жизни в дальнейшем, ибо низшая «точка падения» его жизни («обрыв») уже пройдена и осмыслена, принесено покаяние, за которым начинается «воскресение». При этом следует понять, что и «воскресение» не есть постоянная величина: «свет», и «любовь» в кантике «Рай» у Данте – бесконечно возрастающие величины. Исследователь Данте А. Л. Доброхотов отмечает, что в раю «у Данте резко возросла сила зрения, и он увидел уровень любви, дотоле недоступный его взору» [Доброхотов, 1990, с. 159]. И этот процесс «прозрения», внутреннего изменения бесконечен. Исследователи, отрицающие возможность духовной перемены Райского и считающие, что в дальнейшем он будет лишь повторять самого себя, «ходить по кругу», не учитывают ни евангельского контекста и «апостольства» Райского, ни того, что гончаровская модель жизни предполагает изображение не кругового движения, а спиралевидного восхождения [Мельник, 2022, т. 14]. В произведениях романиста жизнь в спокойном состоянии как будто движется повторениями, но это лишь видимость. Как сказано о герое очерка «Май месяц в Петербурге», где Гончаров нарочито показывает жизнь как якобы движение по кругу, «жизнь все жизнь, понемногу движется, куда-то идет все вперед и вперед, как все на свете, и на небе, и на земле... Только, кажется, один Иван Иванович как будто не изменился. Он по-прежнему управляет домом, живет и лето и зиму постоянно в городе, со всеми говорит шутя и все улыбается. Да, он, как будто, не изменился... Нет, видно, изменился и он, и его

жизнь идет куда-то вперед, как все на белом свете...» [Гончаров, 1952–1955, т. 7, с. 426].

Еще в XIX веке критик В. Чуйко отметил глубокое типологическое сходство художественного мышления Данте и Гончарова-романиста [Чуйко, 1912]. Как и Данте, Гончаров мыслит путь человека к Богу как путь бесконечного развития, или, как говорит Райский, «трудной и нескончаемой работы над собой» [Гончаров, 1997–2017, т. 7, с. 554]. Как и в «Божественной комедии», в последнем романе Гончарова достижение человеком рая или «райского состояния души» не есть некий законченный акт, но, напротив, «нескончаемый» путь. Если смотреть на финал «Обрыва» с традиционной точки зрения, он может вызвать недоумение («концовка „Обрыва“... оставляет вопросов больше, чем ответов» [Казакова: 39]): конца истории, по сути, нет, поездка в Италию, впечатления Райского от музеев, искусства и «старых камней» Европы описаны в нескольких абзацах и могут показаться сумбуром. Кажется, что, собственно, никакого финала в романе нет: герой просто переместился в пространстве. Но если взглянуть на концовку романа с точки зрения громадных авторских задач, поставленных в трилогии, его запросов на изображение «подлинного идеалиста», человека, способного, несмотря на свои слабости, ценить «небесное» выше земного, стремящегося к «нескончаемой работе над собой», имеющего в себе свойства апостольского ученичества у Христа и идущего за ним все выше и выше, открытый финал романа – единственно верное художественное решение.

Библиографический список

1. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 6 т. Москва : Худ. лит., 1959.
2. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. В 20 т. Т. 1–15. Санкт-Петербург : Наука, 1997–2017.
3. Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. Москва : Худ. лит., 1952–1955.
4. Данте А. Божественная комедия. Москва : Эксмо, 2015. 864 с.
5. Доброхотов А. Л. Данте Алигьери. Москва : «Мысль», 1990. 208 с.
6. Иванова С. М. Рай как творческое состояние души человека // Серия «Symposium». Образ рая: от мифа к утопии. Выпуск 31. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 132–137.
7. Казакова С. К. Три Вертера над обрывом. Гетевские аллюзии в романе Гончарова // Вопросы литературы. 2022. № 3. С. 15–44.
8. Кожин В. Происхождение романа. Теоретико-исторический очерк. Москва : Советский писатель, 1963. 440 с.
9. Литературный архив. Ленинград : Изд-во АН СССР, 1951. Т. III. 382 с.

10. Мельник В. И. И. А. Гончаров и Данте: вопросы поэтики // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 4. С. 58–79.
11. Мельник В. И. Гончаров и Православие. Духовный мир писателя. Москва : «ДАРЪ», 2008. 544 с.
12. Мельник В. И. Дантовский эпос в русской литературе: Гоголь, Гончаров, Достоевский // Два века русской классики. 2022. Т. 4. № 1. С. 68–117.
13. Мельник В. И. Поэтика эпического образа у И. А. Гончарова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. Вып. 3. С. 113–124.
14. Нембрини Ф. Данте и милосердие // Койнонія. Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2015. Вип. № 55.
15. Пиксанов Н. К. Гончаров // История русской литературы. Т. VIII. Ч. 2. Москва–Ленинград : АН СССР, 1956. С. 400–461.
16. Плеснер Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2004. 368 с.
17. Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. Москва–Ленинград : АН СССР, 1962. 230 с.
18. Райнов Т. И. «Обрыв» Гончарова как художественное целое // Вопросы теории и психологии творчества. Т. VII. Харьков, 1916. 286 с.
19. Цейтлин А. Г. Гончаров // Литературная энциклопедия. Москва, 1929. Т. 2. Ст. 616–626.
20. Чуйко В. В. «Лучше поздно, чем никогда» // Иван Александрович Гончаров. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей / сост. В. И. Покровский. Москва : Типогр. Г. Лиснера и Д. Совко. 1912. С. 278–291.
21. Щерблякин И. П. Мотив «греховности» и вины в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Материалы Международной конференции, посв. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск : «Стрежень», 1994. С. 204–212.
7. Kazakova S. K. Tri Vertera nad obryvom. Getevskie alljuzii v romane Goncharova = Three Werthers over the precipice. Goethean allusions in Goncharov's novel // Voprosy literatury. 2022. № 3. S. 15–44.
8. Kozhinov V. Proishozhdenie romana. Teoretiko-istoricheskij ocherk = The novel's origin. Theoretical and historical essay. Moskva : Sovetskij pisatel', 1963. 440 s.
9. Literaturnyj arhiv.= Literary archive. Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1951. T. III. 382 s.
10. Mel'nik V. I. I. A. Goncharov i Dante: voprosy pojetiki = I.A. Goncharov and Dante: poetics issues // Dva veka russkoj klassiki. 2021. T. 3. № 4. S. 58–79.
11. Mel'nik V. I. Goncharov i Pravoslavie. Duhovnyj mir pisatelja = Goncharov and Christianity. The writer's spiritual world. Moskva : «DAR##», 2008. 544 s.
12. Mel'nik V. I. Dantovskij jepos v russkoj literature: Gogol', Goncharov, Dostoevskij = Dante's epic in Russian literature: Gogol, Goncharov, Dostoyevsky // Dva veka russkoj klassiki. 2022. T. 4. № 1. S. 68–117.
13. Mel'nik V. I. Pojetika jepicheskogo obraza u I. A. Goncharova = Poetics of I. A. Goncharov's epic character // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2022. T. 14. Vyp. 3. S. 113–124.
14. Nembrini F. Dante i miloserdie = Dante and mercy // Kojnonija. Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu im. V. N. Karazina. 2015. Vip. № 55.
15. Piksano N. K. Goncharov = Goncharov // Istorija russkoj literatury. T. VIII. Ch. 2. Moskva–Leningrad : AN SSSR, 1956. S. 400–461.
16. Plesner H. Stupeni organicheskogo i chelovek: vvedenie v filosofskuju antropologiju = The stages of the organic and man: an introduction to philosophical anthropology. Moskva : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2004. 368 s.
17. Pruckov N. I. Masterstvo Goncharova-romanista = Goncharov's skill as a novelist. Moskva–Leningrad : AN SSSR, 1962. 230 s.
18. Rajnov T. I. «Obryv» Goncharova kak hudozhestvennoe celoe = Goncharov's The Precipice as an artistic whole // Voprosy teorii i psihologii tvorchestva. T. VII. Har'kov, 1916. 286 s.
19. Cejtlin A. G. Goncharov = Goncharov // Literaturnaja jenciklopedija. Moskva, 1929. T. 2. St. 616–626.
20. Chujko V. V. «Luchshe pozdno, chem nikogda» = «Better late than never» // Ivan Aleksandrovich Goncharov. Ego zhizn' i sochinenija. Sbornik istoriko-literaturnyh statej / sost. V. I. Pokrovskij. Moskva : Tipogr. G. Lissnera i D. Sovko. 1912. S. 278–291.
21. Shheblykin I. P. Motiv «grehovnosti» i viny v romane I. A. Goncharova «Obryv» = The motif of «sinfulness» and guilt in I. A. Goncharov's novel The Precipice // Materialy Mezhdunarodnoj konferencii, posv. 180-letiju so dnja rozhdenija I. A. Goncharova. Ul'janovsk : «Strezhen'», 1994. S. 204–212.

Reference list

1. Gogol' N. V. Sobranie sochinenij = Collected works : v 6 t. Moskva : Hud. lit., 1959.
2. Goncharov I. A. Polnoe sobranie sochinenij = Complete collection of works : v 20 t. T. 1–15. Sankt-Peterburg : Nauka, 1997–2017.
3. Goncharov I. A. Sobranie sochinenij = Collected works : v 8 t. Moskva : Hud. lit., 1952–1955.
4. Dante A. Bozhestvennaja komedija = Devine Comedy. Moskva : Jeksmo, 2015. 864 s.
5. Dobrohotov A. L. Dante Alig'eri = Dante Alighieri. Moskva : «Mysl'», 1990. 208 s.
6. Ivanova S. M. Raj kak tvorcheskoe sostojanie dushi cheloveka = Paradise as a creative state of human soul // Serija «Symposium». Obraz raja: ot mifa k utopii. Vypusk 31. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2003. С. 132–137.

Статья поступила в редакцию 29.11.2023; одобрена после рецензирования 13.01.2024; принята к публикации 02.02.2024.

The article was submitted on 29.11.2023; approved after reviewing 13.01.2024; accepted for publication on 02.02.2024.